

Становление будущего учёного сквозь призму его самовосприятия *Development of a Future Scientist through his Self-perception*

Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2023. № 2. С. 95–112.

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology. 2023;(2):95-112.

ISSN 2542-0275

Персоналии

УДК 930:001.12

doi: 10.47475/2542-0275-2023-0-2-95-112

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСКИ ГИМНАЗИСТА С. Ф. ПЛАТОНОВА (19 МАРТА — 11 ДЕКАБРЯ 1877 Г.): «НЕ ВЫРАЖАЯ, ВЫРАЖУ». ЧАСТЬ 2

Виктор Владимирович Митрофанов

Университет при Межпарламентской ассамблее Евразийского экономического сообщества, Санкт-Петербург, Россия, viktor-n1962@mail.ru, ORCID 0000-0003-2094-6883

Аннотация. Продолжается публикация рукописи, вышедшей из-под пера С. Ф. Платонова в гимназические годы. Тетрадь для записей сопровождала его даже во время отъезда из дома. Помещены записи, сделанные весной, летом и две коротких в декабре 1877 г. Этот период в жизни молодого человека был, по признанию самого автора, переломным. Во-первых, он перенёс тяжёлую болезнь, которая способствовала переоценке многого, связанного с периодом взросления, прежде всего внутреннему совершенствованию. Во-вторых, у него появились новые знакомые, общение с которыми способствовало умственной работе и формированию мировоззренческих установок. В этом сыграла главную роль первая самостоятельная поездка в гости к семье Селивановских, живших в селе Харино недалеко от Тулы. В записях немало сведений о формах общения со сверстниками, в том числе и организация сатирического журнала. Среди занятий в свободное время названы чтение литературы, стихов Лермонтова. Неоднократно упоминается о собственных поэтических опытах. Из дневника становятся понятными искания молодого человека, увлечения в последний год перед поступлением в университет.

Ключевые слова: С. Ф. Платонов, дневниковые записки, мировоззрение, переломный момент, болезнь, поездка в деревню, Селивановские

Для цитирования: Митрофанов В. В. Дневниковые записки гимназиста С. Ф. Платонова (19 марта — 11 декабря 1877 г.): «не выражая, выражу». Часть 2 // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2023. № 2. С. 95–112.* URL: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/35-magistra-vitae-2-2023.html>. doi: 10.47475/2542-0275-2023-0-2-95-112

Personalities

DIARY NOTES OF HIGH SCHOOL STUDENT S. F. PLATONOV (MARCH 19 — DECEMBER 11, 1877): “WITHOUT EXPRESSING, I WILL EXPRESS”. PART 2

Victor V. Mitrofanov

University at the Interparliamentary Assembly of the Eurasian Economic Community, St. Petersburg, Russia, viktor-n1962@mail.ru, ORCID 0000-0003-2094-6883

Abstract. The publication of the manuscript, which came from the pen of S. F. Platonov in the gymnasium years, continues. A notebook for notes accompanied him even during his departure from home. There are records made in the spring, summer and two short ones in the month of December 1877. This period in the life of a young man was, according to the author himself, a turning point. Firstly, he suffered a serious illness, which contributed to the reassessment of many things related to the period of growing up, and first of all, to his internal improvement. Secondly, he had new acquaintances, communication with whom contributed to mental work and the formation of ideological attitudes. The first independent trip to visit the Selivanovsky family, who lived in the village of Kharino near Tula, played a major role in this. There is a lot of information in the records about the forms of communication

with peers, including the organization of a satirical magazine. Among the activities in his spare time there were reading literature and poems by Lermontov. He repeatedly mentioned his own poetic experiences. The diary showed the search of a young man, hobbies in the last year before entering the university

Keywords: S. F. Platonov, diary notes, worldview, turning point, illness, trip to the village, the Selivanovskys

For citation: Mitrofanov VV. Diary Notes of High School Student S. F. Platonov (March 19 — December 11, 1877): “Without Expressing, I Will Express”. Part 2. *Magistra Vitae: electronic journal of historical sciences and archaeology*. 2023;(2):95-112. (In Russ.). URL: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/35-magistra-vitae-2-2023.html>. doi: 10.47475/2542-0275-2023-0-2-95-112

Введение

Факт болезни в 1877 г. много лет спустя С. Ф. Платонов отметил в своих классических воспоминаниях: «На семнадцатом году я заболел тяжёлою формою тифа, и эта болезнь... До неё я был беззаботным мальчиком; после неё началась серьёзная умственная жизнь» [Платонов, 2017, с. 187]. Этот факт нашёл отражение и в другом произведении [Платонов, 2017, с. 214], на него ссылаются и все исследователи жизни и творчества выдающегося историка (С. О. Шмидт, В. С. Брачев, В. А. Колобков и др.).

Именно с этого времени продолжаем публикацию дневниковых записей будущего историка. Хронологически они охватывают период с 19 марта по 11 декабря 1877 г. Эти записи помещены в двух тетрадах, которые пронумерованы IV (публикуется окончание, с 19 марта по 6 июля) и V (с 23 июля по 12 декабря)¹. Период болезни выделен в тетради подзаголовком «19 марта — 4 мая 77 г. болен тифом», а первая запись датируется 20 мая. Следует заметить, что эта часть дневника просматривалась автором в более позднее время, о чём свидетельствуют пометы, вероятно, для памяти, имеются и расшифровки сокращений.

Активная фаза болезни прошла, кризис миновал, началось выздоровление. В это время С. Платонов был отправлен в Москву для поправки здоровья и набраться сил. И вот, находясь в древней столице России, он обращается к своему собеседнику — дневнику. Случайные встречи с кузиной и С. Митковой добавили ему хорошего настроения. Поступило приглашение побывать в селе, эта поездка сыграет в жизни юноши большое значение и определит его чувства на ближайшие несколько лет. А уже через неделю он в Харино Тульской губернии. Опасения о скуке, о которых написано накануне отъезда, не оправдались. Быстро пролетело несколько дней. По возвращении в Москву, 1 июня им сделана замечательная запись о путешествии, где изложены не только пе-

реживания автора дневника, но и запечатлены картины природы, дано описание населённых пунктов ближайшей округи и особенностей уклада жизни их жителей.

А в Москве С. Ф. Платонов с удовольствием гуляет, посещает музеи, древние соборы. И в сознании формируется принципиально важная мировоззренческого характера мысль, что культовые здания, их внутреннее убранство «не возбуждают ничуть религиозное чувство».

Показательно отношение его к войне 1877–1878 гг. С. Платонов следит за событиями. Так, С. Митковой он «преподавал географию театра, войны», имел специальную карту, где отмечал флажками передвижение войск, радовался нашим победам.

Первое посещение с. Харино произвело положительный эффект, и он с удовольствием совершает вторичную поездку. Во время этого приезда и происходит знакомство с Евгенией Николаевной Калайдович (в замужестве Беркут)², сначала оно было насторожённым, ожидания от встречи с ней не оправдались. Заметим, что дневниковая тетрадь для «записок гимназиста» у него с собой. В первый приезд он носил её в кармане, теперь мог надёжно оставлять в своей комнате. 18 июня записаны важные размышления о самом себе, о жизненных идеалах и подлости. 20 числа фиксирует, что окружающие его считают «отчаянным идеалистом», так как он не ставит на первое место «Конта и Бокля». На такие серьёзные темы шли беседы, что свидетельствует об уровне интересов передовой молодёжи 1870-х гг.

Время проходило столь беззаботно, что в дневнике появилась запись о лете 1877 г.: оно «самое весёлое» после 1874 г. Общее своё состояние в Ха-

¹ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1214. Л. 28 об.–54; Д. 1215. Л. 1–9 об.

² Её корреспонденция, объёмом с книгу опубликована на страницах настоящего журнала (2019. № 2. С. 119–139; 2020. № 1. С. 116–132; № 2. С. 154–171; 2021. № 1 С. 89–110; № 2. С. 137–157; 2022. № 1. С. 107–130; № 2. С. 82–97), за что выражаю признательность и искреннюю благодарность главному редактору Н. Н. Алеврас и её команде.

рине С. Платонов передаёт словами Лермонтова «Солнце ярко...». Сам он много сочиняет, тема одна — любовь.

Несколько ключевых моментов пребывания юного Платонова в Харине выделены в дневнике особо: один сюжет — история с розой, второй — разговоры с Евгенией Николаевной о вере. В общении с ней он обрёл своего нового друга. Разговоры стали продолжительными, откровенными, доверялись тайны, они всё больше и больше понимали друг друга. Так зародилась многолетняя дружба, но юноша ждал большего. В мыслях С. Платонова произошёл переворот, что позволило ему написать лаконичную фразу: «*Не имея веры в своё будущее, она вдохнула в меня веру в моё, и я верю теперь в себя...*».

Ещё одно знаковое событие произошло в это лето. Гимназист, наделённый литературными способностями, мечтавший о филологическом образовании, повернул свой взор к истории. Экспонаты Оружейной палаты навели его на мысль об археологии как части истории.

Объёмная дневниковая тетрадь заполнялась полгода, но самое важное было написано на последних страницах. Здесь же предпринята попытка восстановить юношеский тайный условный алфавит, изобретённый двоюродным братом.

Таким образом, вторая сохранившаяся тетрадь с дневниковыми записями важна во многих отношениях. Мы являемся свидетелями переломного момента в жизни будущего академика. Среди новелл в его жизни — болезнь, поездка в Харино и знакомство с сёстрами С. Митковой и Е. Калайдович, новое понимание истории как науки, трансформация в отношении восприятия религии.

Летние впечатления, правда, не все, так как была ещё и другая, более объёмная тетрадь, отложились в последующих записях. Объём их небольшой — всего 18 страниц. Записей немного, они сделаны с большим перерывом: в июле — две, в августе — три и две короткие в декабре. Они завершают работу с дневником за 1877 г. В этих записях продолжается обсуждение взаимоотношений между сверстниками, которые были не простыми, а порой выливались в ссоры.

Но есть и два факта, которые важны и будут развиваться в последующих записях. Это создание сатирического журнала, материалы для которого писали сами молодые люди, и вторая — судьба дневника, так как появилась мысль: стоит ли продолжать его. К счастью, она оказалась мимолётной и не была реализована. Доступ к записям продолжал оставаться у В. Латкина, который, кстати, вёл такой же дневник.

Публикуемая часть дневниковых записей позволяет судить о творческой работе С. Платонова, говорить о, порой, ещё незрелых поступках сверстников, но уже начинается определённое осмысление своего места и отношений в общественной среде. В полной мере показаны потребность в общении и интересы молодёжи, к которой принадлежал автор публикуемых строк.

Впервые география работы с дневником выходит за рамки своей комнаты и продолжается в Москве и селе Харино, что является свидетельством серьёзного настроя на его заполнение.

Тексты публикуются по современным правилам орфографии и пунктуации, с сохранением стилистических особенностей. Сокращения известных имён раскрыты в квадратных скобках, зачёркивания и подчёркивания не оговариваются, а сохраняются в тексте, как в рукописи.

С. Ф. Платонов

Дневник IV за 19 марта — 12 декабря 1877 г.

(отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1214. Л. 28 об.–54; Д. 1215. Л. 1–9 об.)

// л. 28 об.

19 марта — 4 мая [18]77 г.
болен тифом

Пятница 20 марта¹
К 14° в тени, облачно.

В Москве!.. Опять за этой тетрадкой. Опять полуются разочарованные (?) строчки...

Встретил Лизу на улице². Проводил до дому, а оттуда шёл и всю дорогу вспоминал её глазёнки. Хоть кого с ума сведёт своим дьявольским кокетством. Постараюсь реже встречаться с нею... Сегодня видел С. Миткову³. Пригласили в деревню.

² Лиза — моя кузина со стороны отца. — Примеч. С. Ф. Платонова.

³ Софья Юрьевна Миткова, дочь Евг. Ник. Митковой, внучка Селивановской. — Примеч. С. Ф. Платонова.

¹ Сверху имеется карандашная помета «мая».

Подождём до деревни, тогда и скажем своё мнение. Хорошая девушка. Я ей преподавал географию театра, войны, говорили о Тургеневе и деревне. Кажется, я с ней буду кататься на лодке Чайке. Пруды, по её словам, большие. Забуду // л. 29 и осторожность, и отвращение моё к лодке, конечно... Покуда весело, что-то будет дальше. А перспектива хорошая, учитель гребли у красивой барышни — вот это занятно.

Воскресенье, 22 мая

К 25° и более на солнце.

В Москве, пожалуй, закружишься... С одной стороны — Лизины глаза, с другой — С[офьи] Ю[рьевны]. Куда деваться? Ох, что-то будет в деревне, почему-то и не хочется туда ехать; боюсь я слишком большого веселья и скуки. А может быть и того и другого и то, и другое.

Покуда ещё нигде далеко не был, описывать нечего: много пыли, грязи (на углах), в нашем краю патриархальность. Я вожусь с курами, ловлю и держу на руках цыплят, дерусь с сердитым селезнем. На улице сегодня в одном месте мужики пели про «милова дружка», в другом — парень с гармонией потешал девок в сарафанах.

// л. 29 об.

27 мая [18]77 г. В Харино¹, Тульск[ой].

Карандашная помета: «Митковых».

Я в гостях у Митковых. Мне очень весело: я свободен, к[а]к ветер. Удовольствия всякие. Хозяйки приветливы и любезны... и хороши. Чего же больше хотеть? Как мне хорошо, право, живёшь, ничего не думая, день за днём. Прелесть! Какие я разговоры веду с С[офьей] Ю[рьевной] (с нею никогда не скучно). Есть у тётки знакомый, который мне чрезвычайно понравился. Про него я и говорил с С[офьей] Ю[рьевной].

— Вы знаете я нашёл свой идеал и в живом существе².

Она думала, к[а]к мне показалось, что я говорю про неё и поспешила отвернуться. Меня это заняло. Всё время она меня дразнит чем ни попало и удивляется моему долготерпенью. Она отлично и весело дразнит. Сегодня всё утро проговорили незаметно. Право, она мне очень нравится.

// л. 30 Хотя я ещё и не влюблён. Нужно скорее уезжать. Здесь воздух утомителен и опасен.

Катаемся, только не на лодке, а в шарабане.

¹ Сельцо Харино в 8 верстах от Тулы. — *Карандашное примечание С. Ф. Платонова.*

² Ник. Алексеевич Кондендантов. — *Карандашное примечание С. Ф. Платонова.*

Это ещё лучше. Пруды великолепные для села, но лодки нет. Огромный парк, плотины, овраги — все это меня занимает.

Вообще здесь очень мило.

1 июня [1877] г. Москва.

Воротился из Харино. Ещё, может, туда поеду. Что же писать? Описывать дорогу, Тулу, вид Серпухова? Подробно не стоит, а мало записать — всё выйдет мало. Тула — пыльный город, дома наполовину каменные. Город более или менее, но цивилизованный. Есть разносчики газет (московских), есть газетное бюро даже. Видел три каланчи с серыми шарами. Кремль просто смешон. Низкие стены с башнями по углам. Выезжаешь // л. 30 об. — направо и налево пустые отгороженные места, поросшие бурьяном, крапивою и репейником; посреди видишь площадь с двумя соборами: новым и старым, и только. Выезжай в другие ворота. Рыночная площадь, да и сам город напоминают Москву. То же мужичье в высоких грешневиках³, та же серая пыль повсюду, от которой всё серо и выглядит грязно. Река Упа довольно широка, я её такую не воображал и не верил своим глазам, глядя на неё. На ней много барок, насколько я заметил. На улицах, особенно у лавок, далеко не малоллюдно. Митковы говорят, что в Туле ничего порядочного достать нельзя: все жители покупают в Москве и получают оттуда. До Москвы 6 часов пути, 181 верста по железной дороге. На Тулу я взглянул, приехал в неё в шарабане. Заезжал по поручению Евгении Ник[олаевны] в лавки за холстом, на почту, в телеграф, аптеку и книжный // л. 31 магазин. Из вагона видел Серпухов, как бы a' vol d'oiseau⁴, стоит он на дне леса, у реки Оки, которая, однако, в полуверсте от него. Как бы отдельно от Серпухова у леса стоит монастырь, окружённый стеною. Виден хороший собор в городе с коричневыми стенами и со золатыми главами. Мама говорит, что Серпухов больше Чернигова. Не верится. Над Серпуховым нет того серого пыльного тумана, который виден над Тулою с окрестных холмов. На солнце ярко блестят все серпуховские строения и каменные, и деревянные. Хорош двухэтажный мост через реку Оку у Серпухова. Вверху ходят поезда, внизу ездят в экипажах. Серпухов лежит в дымке равнине у подошвы холмов, Тула на скате высокого холма и у него подошвы в долине. Из выгона виден

³ Грешневик — валяная войлочная крестьянская шляпа, похожая по виду на усечённый конус.

⁴ По прямой — с фр.

недостроенный и заброшенный замок в Царицыне. Он мрачной, готической // л. 31 об. архитектуры, серый с угрюмыми башнями по углам. Он заброшен потому, что не понравился какой-то из наших императриц, которая назвала его «гробом». Мне же он очень нравится. Мы, кажется, будем в Царицыне.

Сельцо Харино расположено на двух холмах, в середине между которыми пруды. Местоположение красивое. Я проводил в нём время очень весело и долго буду помнить и Харино, и самих его хозяев.

Лень у меня отменная! Сам я удивляюсь, к[а]к много писал сейчас. Письма для меня писать приятно, но приниматься за них, начинать писать — чистая мука. А корреспонденции много.

Хотел я писать о Васином¹ дневнике, да он меня так поразил, что и вспоминать не хочется. Вот у меня спицу нашёл, минутное недовольство или по его словам, «разочарование», а у // л. 32 себя бревно синими заметил: и п² он, и эгоист. Эгоизма ещё в нем есть немного, но уж п ... и³ нет. Чем-то у него «печоринским» пахнет, а он в своей большой, да на мою здоровую махнул. У него я — Печорин. Нет, врёт он. Он прежний Вася — эгоист, но честный, добрый, пылкий, благородный малый, и таким мне его хочется видеть, таким я видел, вижу и буду видеть его.

ОУ⁴ произвела скандал у⁵ безнравственную историю. ...⁶ в ней разочарован. Давно пора! Я был прав, говоря про неё не выгодно, подозревая её в пакостях с С-ь, ругая её. Кошачьи лапки С-ва не упустят такой жертвы; и попадёт ему, и падёт он, и заплачет крокодиловыми слезами, умоляя о пощаде.

...!⁷ Вот подлец!... Но и она хороша! Развращена бедная. Она теперь не благополучный цветок, а измятая пышная, затоптанная роза, брошенная на // л. 32 об. дороге. Подымет кто-нибудь, отряхнёт, но не смоет с неё С...равской грязи, прилипшей к ней навсегда.

Я не охотник до таких мятых цветов. Пусть лежит...

¹ Васи Латкина. — *Помета С. Ф. Платонова.*

² Карандашом дописано «одлец».

³ Карандашом дописано «одлость».

⁴ Дело идёт о Сидорове, двоюр. брат Латкина и m-lle Charlotte, компаньонке его матери. В чём тут дело не помню. — *Примеч. С. Ф. Платонова.*

⁵ Далее слово замазано.

⁶ В начале предложения слово замазано.

⁷ Слово замазано.

Вот мы какой поэзией занимаемся, когда уже добрые люди спят. Второй час. Следовательно, уже второе июня.

9 июня. Москва.

Летом нельзя вести дневника. Такая лень, что не знаешь куда деться от неё. Ходишь по десятку вёрст в день по Москве и не устаёшь, и не ленишься ходить, а перо в руки взять лень.

К[а]к живописна Москва и какое дурачье в ней живёт. Издали это рай. Войдёшь в Москву — грязь и пыль, и пыли больше и больше, чем ближе идёшь к центру. Один Кремль безукоризненно чист; выйдешь из него на центральную городскую площадь // л. 33 у Иверских ворот и увидишь грязь, какой нет в Туле и Новгороде. Это верно. Прекрасный Александровский сад испорчен ради выставки [18]72 года⁸. В нём гниют развалившиеся павильоны с выбитыми стёклами. Многие деревья, дорогие и старые, мешали будто выставке и срублены. А Москва живописна, Москва интересна стариной. В Москве сосредоточены религиозные и патриотические чувства народа. И в Москве грязь, в Москве безобразна сама полиция с обер-дураком⁹, в Москве чуть не наполовину деревянные домишки. Хорошо сердце России! Трепова¹⁰ бы Москве с кнутом.

Хожу я на бега теперь, и это моё удовольствие, мой театр. Тётя¹¹ совсем не здорова, а без неё никуда не ездим. После своего дня рождения еду в Харино. Видно не дождёмся выздоровления.

Вчера, 8-го Ник[олай] Алекс[андрович]¹² приехал навеселе. Хохотали над ним весь вечер. Тётя на правах старой хорошей знакомой // л. 33 об. отобрала у него до 1000 р. казённых и собственных денег и заперла их, а его оставила ночевать. По её словам, стоило ему удрать от нас, и он бы растратил всё. Такая натура! Он вчера звал всё

⁸ Политехническая выставка 1872 г. — крупная выставка промышленных, сельскохозяйственных, военных, научно-технических и культурных достижений империи. Выставка проходила в Москве с 30 мая (11 июня) по 1 (13) сентября 1872 г. и была посвящена двухсотлетию юбилею со дня рождения Петра Великого.

⁹ Арапов Николай Устинович (1825–1884) — обер-полицмейстер Москвы (1866–1878).

¹⁰ Трепов Фёдор Фёдорович (1809 или 1812 — 1889) — русский государственный и военный деятель, в 1866–1873 гг. обер-полицмейстер Санкт-Петербурга.

¹¹ Контендантова (Хрисанфова) Татьяна Александровна (1836–1918) — сестра матери С. Ф. Платонова.

¹² Сверху карандашом написано: «Контендантов».

нас в Эрмитаж есть чибисов и раки а' la Бардолез и чуть не поссорился с тётёй.

Он во всех отношениях прекрасный и милый человек, но характера никакого. Вчера товарищ затащил его к себе и угостил; он зря приехал к нам и выслушал молча длинную нотацию тётёй за то, что приехал в таком милом виде, хотел удрать, но тётёя не пустила и он остался и потешал нас весь вечер своею развязанною болтовнёй.

Москва, **14-го июня** (21° в тени)

Дни идут днями, неделя за неделей, и ничего нет выдающегося, // л. 34 ничто не просится в дневник. Гуляю, смотрю Москву да читаю — вот и всё. Москва нравится мне своею живописностью. Как хорош вид с Каменского моста на Кремль! Прежде я не обращал внимания на местоположение Москвы, а теперь обратил и для меня Москва в новом свете¹ досаднее за её грязь сделалось.

Был во дворце, в некоторых соборах, но описывать не хочется. Старина, оригинальность. Войдётся в Благовещенский собор, самый древний, и сразу охватит тебя средневековая атмосфера. Я не особенно впечатлителен, нелегко поражаюсь чем-нибудь, из этого собора весь погруженный в воспоминания о царях, с таким сильным впечатлением под влиянием старинной обстановки, какого никогда не испытывал.

// л. 34 об. А Москва обильна такими впечатлениями. В этих соборах не возбуждается ничуть религиозное чувство, а действует старина, оригинальность древнего. Для меня эти соборы — ряд музеев, содержащих в себе религиозные древности. Ни величиною, ни грандиозностью, ни великолепием внутренности они не отличаются и не поражают этим.

Попалась мне в руки статья «записки гвардейского сапёра» в Русском Вестнике². Сапёр описывает Новгород. Его описание и суждения о Новгороде вполне почти согласны с моими. Он говорит также, что Новгородцы не знают своего города, что жизнь Новгорода сосредоточилась на реке и др. Это сходство мне польстило.

Русские перешли Дунай 10-го и // л. 35 и заняли Мачин³. Я плясал от радости и с торжеством перенёс белые флаги на правый берег Дуная.

¹ Далее слово замазано.

² Фелькнер В. И. Из воспоминаний бывшего *гвардейского сапёра* // *Русский Вестник*. 1867. Т. 67, № 1. С. 385–437; № 2. С. 445–485; Т. 72, № 12. С. 307–359.

³ Мачин — город в уезде Тулча (Румыния), на правом берегу Мачинского рукава Дуная.

Далее карандашная помета: «15-го Дунай, 25 — Тырново, 1-го Балканы».

18 июня. Харино.

Я опять в Харине. Теперь здесь и сестра С[офья] Ю[рьевна], старшая⁴. Обе они замечательно безыскусственны, не натянуты, что после наших милых барышень удивляет и поражает приятно. Покуда ещё не дразнят, но я предчувствую, что меня будут мозговать двое вдвое.

Сегодня С[офья] Ю[рьевна] дала мне странный совет: идём мы в паре. Нужно заметить, что в 1-й мой приезд у меня дневник был в кармане, ибо его некуда было прятать. Теперь он припрятан хорошо. Идём по моей любимой аллее: С[офья] Ю[рьевна] мне говорит:

— «Знаете, что. Прячьте, пожалуйста, ваш дневник, не оставляйте его в кармане.

// л. 35 об. — Почему?!

— Так... Не думайте, пожалуйста, что я его читала...

— Не думаю.

Не знаю почему она это сказала. Верю, что она не читала. Если бы читала, то не сказала бы — не выгодно. Не читала ли мать её или не любопытствовали ли горничные. Что, если это правда? У меня в дневнике, положим, все под маской приличия и ничего особенного не вписано компрометирующего, но тем не менее я не хотел бы, чтобы его читали... Или её сестрица, по её соображениям, захочет посмотреть все мои тайны...

Нет, все мои догадки к цели не приведут. Мне кажется только вероятным, что дневник мой читан, и я в этом не виноват? Я его не мог прятать никуда и не прятал, надеясь твёрдо на то, что пощадят мои секреты. Хорошо, что я не обличаю себя в дневнике, как В!⁵

Мне 17 лет. Прошла пресловутая // л. 36 пора 16-ти лет, ничего отрадного особенно она не принесла, принесла весёлую зиму, тиф, в эту пору пришла болезнь друга, явился знаменитый день 1-го января, две недели в Харине, узнались подлости богомерзкого⁶ о Ас. Ас.

Дневник 16-ти лет есть... Слава Богу.

Нужно писать письма, но лень, да и писать сильно нечего. Это не Лесной с его безымянными

⁴ Евг. Ник. Колайдович. — *Примеч. С. Ф. Платонова*.

⁵ Далее в скобках карандашная помета С. Ф. Платонова: «Латкин».

⁶ Далее стёрты инициалы. Карандашная помета С. Ф. Платонова: «Сидоров».

«кошечками». О tempora, o mores¹. От В. Б. к кошечке. Правду говорят: от великого до смешного — один шаг.

Почему я не обличаю себя в дневнике? Почему не ругаю себя? Сейчас отвечу: 1) quod licet Jovi, non licet bavi²... Куда нам дуракам чай пить... 2) Без всяких исследований над собою, я отлично, сам того не сознавая, выражу себя, ведя дневник... 3) Определять себя без попыток вести борьбу с собой самим за исправление и самоусовершенствование — не стоит, а отсюда 4) Не чувствую более надобности усовершенствовать себя и потому не обличаю себя. Ошибся!...

// л. 36 об. Я имею идеал и стремлюсь к совершенству, но идеал мой глубоко во мне, и я иду за ним инстинктивно, потому ~~еще~~ выразить его не могу при всей охоте и не обличаю себя на бумаге, а в самом себе. Что мне толку, если я напишу, что я подлец, например, (серьёзно себя им не считаю), напишу это с отчаянием, которое видно между строк, а между тем, зная, что подло быть подлецом, останусь таким, говоря: «каков в колыбельке, таков и в могилку!» Да ещё не будучи таким, уже назвать себя подлым, эгоизм! Ошибиться и упорствовать в ошибке! Я на себе испытал, что, исследуя себя, сидя с пером за дневником, а не продумав порядком, мы жестоко ошибаемся и ещё, пожалуй, будем упорствовать в этом, будем уверены, что мы правы. Пишем мы под впечатлением минуты минутную правду, которая продлилась много часов, даже дней, станет нам самим казаться ошибкой.

// л. 37 Говоря под впечатлением минуты, мы в экстазе часто врем.....

Подумай над этим, к кому это относится. Не верю я такой надутой «благородной подлости и эгоизму». Если б хотел я врать, много бы раскопал в себе стремленья из расчёта, много эгоизму и возвёл бы это всё на высокую ступень и стал бы благородным подлецом в своих глазах, но не в глазах своих друзей, которые показали бы за это кукиш с маслом... И поделом³.

19 июня, утро.

Лучшего утра у меня давно не было. Хорошая погода, моя любимая, весёлый облачный день. Сегодня ездили к обедни — я, бабушка, тёт-

¹ Ох времена, ох нравы — с лат.

² Что позволено Юпитеру, не позволено быку — с лат. поговорка одного смысла с русской: «куда конь с копытом, туда и рак с клешней».

³ Далее карандашная помета: «Эта тирада относится к Латкину».

ка и обе барышни. Туда я ехал один в шарабане и гнал во весь дух, оттуда ко мне села С. Ю., и мы у ворот обогнали коляску. Смеху и веселья было довольно.

Бабушка служила молебен, благодарственный // л. 37 об. за переход через Дунай и победы черноморцев.

Моя теперешняя комната выходит на балкон. С балкона вид на парк, пруды и луга. В этой комнате хорошо вести дневник: удобнее, никто не мешает. Мои стихи читаются и списываются. Слышу комплементы за них от бабушки, немного матери, С[офьи] Ю[рьевны] и её сестры очень довольно.

Сестра Е[вгения] Н[иколаевна] кажется мне совсем иною, чем я думал. Она весела, хладнокровна, тогда как С[офья] Ю[рьевна] старается быть капризна и кокетлива.

Кто из девушек не является кокеткой в 16–17 лет. И общая наша участь быть мишенью кокетства volens-nolens!⁴ И многие (В⁵) тают иногда от кокетства милых иных барышень (напр[имер], тоже В.) Как морской прили-отлив они иногда отдаляются от барышни для того, чтобы снова со временем думать, что «у ног её вот моё место». Меня от этих приливов и отливов злоба берёт. А я видел // л. 38 их много (опять В. и В). Теперь отлив, а осенью очень может быть и прилив. Не дай, Господи! Неужели бывших мук для В. недостаточно?!...

Что это я пишу в дневнике. Зачем иносказательности? Сам не знаю, но не стесняю себя и веду дневник не Тургеневский, а записки гимназиста.

20 июня.

Я люблю жить или совсем нараспашку, или же напротив, быть постоянно настороже. Поэтому мне весело в Харине. Смотреть всегда за собою, всегда быть готовым отражать мастерские нападения С[офьи] Ю[рьевны]. Это весело. Также весело сидеть вдвоём, втроём с друзьями и говорить, что взбрёт на ум без всякого суждения о своих словах, ничего не опасаясь, что это передастся, обсудится.

Петя⁶ думает, что мой дневник для него недоступен, или это он думал, мне кажется. Раз в мае он меня штурмовал насчёт // л. 38 об. дневника и скоро получил эту тетрадь и ещё другую.

⁴ Волей-неволей — с фр.

⁵ Дописано карандашом «ася».

⁶ Петя Рубцов, двоюр[одный] брат В. Латкина. — Примеч. написано карандашом С. Ф. Платоновым.

Я заметил, что в его глазах была живая радость за успех штурма. Ха, ха, он думает, что он меня победил! Я отдал ему дневник по прежде принятому решению. Ведь мозги у меня есть.

В этот приезд С[офья] Ю[рьевна] мне показала другою. Мне кажется, она меня предоставила своей сестре Е[вгении] Н[иколаевне], несколько раз мне казалось, что она сердита на меня или хочет мною играть. Играть мною можно, я люблю быть игрушкой, но у этой игрушки есть своего рода воля, которая незаметна, кто игрушку удовлетворяет.

Зовут в сад.

Чрез два часа.

Играть мною можно. Я найду себе веселье и в этом. Мною играют, я слежу за этим внимательно, изучаю характеры и поддаюсь всему, что со мной делают по своей воле, а не по недостатку её. Если я // л. 39. захочу, от игры отделаюсь, если хочу, меня согнут барашком, телёнком, терпеливым и, пожалуй, будут смеяться надо мной, а я-я сам втихомолку буду хохотать над моим терпением и буду радоваться, что я умею быть терпеливым. У меня своеобразные удовольствия: многие пожмут плечами, если сказать им это.

В наш милый век люди с добрым, не особенно злобным характером считаются чем-то глупым, отставшим, мелким. Теперь нужно отличаться чем-нибудь: страстью, эгоизмом, редкостью убеждений. И я в наше время между многими считаю отчаянным идеалистом, многие может ставят мой характер ниже своего, потому что у них страсть, у них Конт¹ и Бокль² на первом плане, у меня же нет. Очень жаль, что теперь каждый считает себя авторитетом и знать не хочет разумного самоунижения, которое, по-моему, иногда очень полезно. Никто не хочет ставить себя на втором плане.

// л. 39 об. Но за чем я это пишу? Разве худо быть немного идеалистом и оптимистом? Но всё-таки я решил не смотреть и жить к[а]к мне хочется.

Коль слушать все людские речи,

Придётся и осла взвалить себе на плечи,

Говорит басня... И справедливо...

¹ Конт Исидор Мари Огюст Франсуа Ксавье (1798–1857) — французский философ, родоначальник позитивизма, основоположник социологии как самостоятельной науки.

² Бокль Генри Томас (1821–1862) — английский историк, автор «Истории цивилизации в Англии».

Однако, какая у меня непоследовательность в мыслях. Видно, что лето и лень...

После 1874-го года — это самое весёлое лето. В [18]74 году было для меня замечательно 9-го мая, 22 августа. Тогда было безыскусственное веселье, защита лягушками, лестное «я вас люблю», смешное прощанье 22-го августа с наивной угрозой: «если вы не возьмёте моей малины, я уйду!». А малина и клубника не вся была моя, надо помнить. Как мне лестно было слушать рассказы о происшествиях в течение моей поездки в Москву, о страшном поражении Юры, когда он получил «дурака» от барышни в мою защиту³ Прошло это милое // л. 40 время и прошло без следа. Забыл я уже и Тюлю, забываю и 9-е мая.

Нынешний год нет нового 9 мая, есть одно веселье, есть хорошее время после тяжкой болезни, когда новыми глазами глядишь на свет. Одно меня огорчает, — О-л⁴ дневник. Как он ошибается! И как мне это досадно. Каждое его письмо меня радует, там он не надут. Он меня перещеголял дневником, теперь мой дневник покажется в сравнении с его дневником⁵ сентиментальными записками, весёлою, глупою, мелкою болтовнёй. А его дневник модный, хоть сейчас в печать. Просто Герой нашего времени. Если б я не знал моего друга, не любил бы его так, к[а]к люблю, я бы преклонился пред его дневником. А теперь говорю, что напрасно он обманывает себя и желает обмануть других. Как Петя говорю, что как он не представляйся, я всегда буду говорить, что он добрый малый, что он не переменялся к худшему... Долго ли он будет упорствовать в своей ошибке?

// л. 40 об. 21 июня.

В Харине через чур много мух. Говорят, что Тульская губ[ерния] этим отличается. Это заметка для памяти. Больше записывать важного право нечего.

22 июня. День.

Вчера вечером я на Мальчике ездил в Тулу, туда ездил — лежал в шарабане и пел или шёл около и курил, где дорога плоха. Оттуда — пел и читал газеты. Чудо было, что я нашёл дорогу. Я ведь всегда страдаю незнанием местности и вчера шёл храбро на авось, собираясь ехать. Зато теперь я до Тулы хоть ночью найду дорогу.

³ Это эпизод с Лилей Шармер (иначе Отима Штрейхенберг). — Примеч. С. Ф. Платонова.

⁴ Сверху сокращения написано: «Васин».

⁵ Слово вставлено сверху строки.

Сегодня собирали клубнику, и я не отставал от барышень. Собрать мне не в первый раз, но собирать столько, сколько я собрал сегодня, ещё не случалось. С[офья] Ю[рьевна] и Е[вгения] Н[иколаевна] повязались платками от солнца и трунили над собою, называя себя «Аксютками». Если бы все Аксютки были такими. При этом я получил название «не петербуржца». Это в глазах моих хозяек лестно. Пусть // л. 41 и для меня будет лестно.

Житьё наше, доложу Вам, куда к[а]к хорошо! Одно лето в деревне, и я был бы совершенной деревенщиной, толстым, здоровым, краснорожим пнём, забывшим романы (я их теперь не читаю), кушающим невероятными порциями — словом Собакевичем, который в первой польке слетел бы раза два, а в кадрили монстр гонял бы от себя всякую любезность и ковырял в носу. Если бы я жил бы здесь хоть лето, я стал бы таким. В этом виноват был бы воздух, отсутствие общества. Я не говорю, лето в Харине именно, а во всякой деревне; в Харине цветут искусства, есть поэзия, регулярность жизни, которые скажу по опыту, спасительно действуют на людей. Сужу по себе: нет ничего хуже нерегулярной жизни; в ней тупеешь, ленишься, делаешься простою тварью, обжорою, грубым...

Я обещал, уезжая из Харина, написать на входной двери: «дом смеха, музыки и мух». И это будет правда. Ужасные мухи, всегда пение и музыка, постоянно смех, весёлый, беззаботный.

// л. 41 об. В Харине можно сказать словами Лермонтова: «Солнце ярко, небо сине, воздух чист и свеж, как поцелуй ребёнка... К чему тут страсти и желания»¹.

Да, это можно и везде сказать, красив городок! Хотел бы я знать, что сказал бы здесь² Вася? Что делал бы он здесь? Думаю, что ловкие хозяйки сняли бы с него маску холодности, неприступности и светского холодного приличия.

После обеда.

Летом я никогда не пишу стихов, но теперь лето составляет исключение. Иногда, по обыкновению, возьмёшь листок бумаги и ну писать. Тема, конечно, одна: любовь. Это главный предмет, второй — природа. Надо мной смеются. Я стихоплёт,

¹ «Воздух чист и свеж, как поцелуй ребёнка; солнце ярко, небо сине — чего бы, кажется, больше? — зачем тут страсти, желания, сожаления?...» (Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени).

² Далее слово стёрто. Сверху карандашом написано «Вася».

стихоман. Ничего, что за беда? Никому особого зла я не делаю, никому особенно не навязываюсь за похвалами, о себе сверхъестественного не думаю, поэтом себя не воображаю. Мне нравится и пишу. Те, кто смеются, пишут прозой, я стихами. В моих стихах нет поэзии, в их прозе нет // л. 42 толку — не всё ли равно? Кто в 16–18 лет не сочинительствует? Кто не Всякий поворачивает тему любовь и на лицо, и наизнанку.

Понюхает, полижет,

На хвост нанижет³

И пр[очее], и пр[очее], и пр[очее]. И мне, смиренному рабу, значит можно вертеть этой любовью и стихосочинительствовать. Есть вирши и хуже моих, да получают похвалы, и мою лиру с верёвочками вместо струн кто-нибудь, да похвалит. А не похвалят, я сам похвалю и буду писать для себя.

Мне иногда приходит мысль бросить дневник, но я так привык к нему, что не бросается что-то. Толи дело, сядешь за стол, да подумаешь, станешь писать и сам рад. Ведь у меня такой дневник, что в нём никогда нельзя раскаться. Пишу правду, а правда всегда будет правдой и в правде каяться не следует.

К[а]к мне теперь кажутся мелкими все мои зимние стремления, интересы, а придёт зима и снова тоже и те же занятия, и новые такие же стремления, и интересишки.

// л. 42 об. В эту, кажется, будут уже детские балы, а не вечера (Что это я говорю «детские»?) в торжественных случаях. Может быть будут новые личности, новые ухаживания и интрижки. Будет ли весело? Дай Бог! Я ведь призывал пасхальные вечера, нужно вознаграждать.

Но я вознаграждён Хариним. Не будь я болен, я не прибежал бы в Москву в мае, не видал бы Евг[ени] Ник[олаевны] Митковой⁴, не был бы приглашён в Харино. Итак, я вознаграждён. Наградой можно быть довольным. И печалиться не о чём. Знай живи, что птица небесная.

Но, хотел бы я знать, каково живётся тем людям, которые разочарованы в самом себе. Я думаю, плохо. Посмотрим.

Р. S. Ложась спать и уже засыпая, я слышу отчётливо пение и музыку, соло и хор. Это было всегда, но теперь в особенности. Это бывает не по моей воле, я не могу слышать это, когда захочу. В это время я быстро сочиняю целые

³ Строки из басни (Крылов И. А. Мартышка и очки // Полное собрание сочинений. Т. 3. М.: ОГИЗ, 1946. С. 17).

⁴ Слово вписано над строкой карандашом.

стихотворения иногда. Моё последнее стихотворение (21/VI) такого рода.

// л. 43. 23 июня.

Сегодня я нашёл на столе две розы и припрятал их, конечно. Если лежат в моей комнате, значит мои. Благодарю за них моих любезных хозяек. Это будет памятью о Харине и об его хозяйках. Эти розы вчера сорваны; к утру роза с длинным стебельком распустилась. Она принадлежит Евг[ени] Н[иколаевне].

Свадьба моей сестры¹ назначена на 3-е июля. Брак этот мне не по душе. Я в грош не ставлю её будущего мужа, а моего futurum generum². По-моему, он зелен ещё, глуповат немного и слишком заучен; я не виноват, что он мне не нравится, что он похож на козла, который, к[a]к мне представляется, жуёт тупо свою классическую траву с глупым увлечением и тупо смотрит на весь мир. Да, впрочем, ему к лицу его классические очки. Ну и пускай их носит.

Не хочется ничего записывать. Здесь харинская лень! Я ничего не читаю. Пишу зато. Но как пишу: продетит муха, смотрю за нею; напишу // л. 43 об. строчки четыре и отдохну. Рад бы слушать и чтение, что так деятельно идёт в саду, да я слушать и читать, хоть убейте, не могу. Не понимаю, к[a]к меня на писание хватает ещё.

Вчера катался в шарабане с Евг[енией] Н[иколеванной] на легавом, ездили далеко, хотя Андрей и просил поменьше морить лошадь по такой жаре, какая была вчера. И сегодня не холодно, слава Богу. Я целый день пил воду, и, если бы был здоров, попросил бы льду.

Что-то от Васи писем нет. Любопытно было теперь в Харине получить вести из Лесного. Как-то там живут?

На это лето нельзя жаловаться. Я ещё не успел сообразить того, что уже конец июня и что более месяца, к[a]к я уехал из Петербурга. Этот приезд в Москву веселее других. Самое главное веселье в том, что теперь я свободен. Никто меня не стесняет, никто мною не повелевает. С каждым годом я // л. 44 всё больше и больше люблю свободу и понимаю её драгоценность.

25 июня. [18]77 г.

Два дня эти пасмурны. Вчера шёл дождь и варили варенье. Сим искусством занимались duae

¹ Ссылка дописана карандашом внизу страницы со «Н. Н. Смородской».

² Будущую родню — лат.

puellae³, а я смотрел. Вчера после обеда спал и сегодня боюсь, что усну.

Вчера в некотором отношении день, удививший меня своим финалом. Сегодня объявился этот финал и объяснился согласно моим догадкам и предположениям. Подробности не записываю теперь.

Вспомним об одной проделке двух оригиналов С-ва и Болта⁴ между собою. Подстрекаемый любовью, конечно не земною (а кадетскою) к С. Н. и двусмысленным поведением С-ва; полагая в нём своего соперника (ах, к[a]к страшно), Болт решился действовать энергично, наступательно. На пасхальном вечере он грозно (жаль, что сабли при нём не было, то-то погромел бы), грозно подходит к С-ву и говорит ему, что он соперников не потерпит в известном деле ещё что-то в таком же кадетском роде.

// л. 44 об. Сидоров по обычаю струсил. Вероятно, он предвидел, что дело может кончиться не совсем хорошо, а именно препорядочной таской со стороны разъярённого и влюблённого Суйгусара. С-в выслушал смиренно монолог юного Марса, погрозил ему в душе всеми чертями и отвечал, что он ничего, не смотрит даже на кухню... очень рад... что он с удовольствием будет помогать Болту всеми силами, будет для него postillon d'amour'aur⁵, если Ивану Сергеевичу угодно. Болт удовольствовался ответом, пожал этому ещё раз подлецу руку, и наши Барбос и хитроумный Полкан сделались друзьями. О нравы! Быть посредником между какою-то сбоку припёшкой Болтом и своей кухней. Да что такое посредник, postillon d'amour? Есть для этого ремесла ещё и другие названия, более точные, лучше характеризующие подобные профессии, но они не употребляются ни в печати, ни в разговорах. Даю С-ву такое название. Он-⁶ Хорош человек! Жаль мне его матери, что она имеет такого сына, но хорошо, что // л. 45 она не знает его проделок, для неё бедной. Это хорошо. Нечто сгубило С-ва. Для других это нечто оканчивается идиотизмом, а для его испорченной природы сперва подлостью абсолютною, а в будущем с сумасшествием. О нечто, нечто! Сколько народу ты губишь без поща-

³ Две девочки — лат.

⁴ Приписка карандашом внизу страницы с «Знакомый Латкиных. «С-в» = Сидоров».

⁵ Посланник любви — с фр.

⁶ Слово написано буквами условного алфавита. Ссылка написана карандашом: «Условный алфавит, мною забытый. В конце тетради приклеен лист с попыткой возобновления».

ды, без апелляций, без возможности возврата на прямую дорогу! Один тип сгубленного таким образом человека — это, по моему мнению, Нурок, а другой тип, более гадкий — С-в. Один несчастный, другой негодяй. Да, негодяй: недалеко яблочко от яблоньки укатилось!

Свой секретный ящик в Петербурге украсится новыми вещами. Впрочем, этот ящик потерял немного от перенесения в шкатулку писем и моей глупой исповеди. Вот капитальная глупость! Как я мог в 15 ½ лет сделать такой чудовишно-дурацкий поступок?! И всё-таки не уничтожу его следов: пусть лежит и напоминает мне, и язвит меня, пусть при взгляде на него забьется сердце от стыда, пусть эта исповедь охраняет меня впереди от этой¹ // л. 45 об., и подобной ей глупости. Да не повторится она впредь!

А положительно у каждой барышни в 15–16 лет совершается перелом от отрочества к зрелости. Сколько примеров я могу насчитать! Но к чему приплёл я это сюда, спрашивается? Кто прочтёт это назовёт меня, пожалуй, дураком. И будет прав, потому что я во многом дурак и вообще не слишком, не слишком о себе хорошего мнения сам.

Мне очень хочется про себя сказать «posco me ipsum»² — знаю себя, но до этого далеко. Самопознание меня интересует, хочу приобретать разные сочинения об этом, но неудачно. Купил в Лавре «трактат о самопознании». Так же умён, как книга наставлений юношам одного юродивого, где он советует стричь себе волосы совершенно, чтобы длинными волосами не выказывать неуважения к старшим и не выпивать сразу рюмку вина, чтобы не подумали, что пьяница.

Читал я мой трактат и при всём старании ничего не понял.

// л. 46. 26 июня, день.

Вчера вечером было очень хорошо. В воздухе было что-то раздражающее, какая-то влажность. Под влиянием погоды у меня было особое настроение. Сперва я думал, что у меня будет хандра, такое настроение, в котором иногда у меня летают стулья и я в одиночестве швыряюсь чем ни попало в стену, к[а]к Лютер чернильницей в чёрта. В это время я вспоминаю все мои глупости и мои книги лежат нетронутыми. Помню, раз нужно писать Ильешевичу сочинение, я не хочу или не могу: у меня хандра. Вспоминаю про 1-го

¹ Внизу страницы карандашная помета: «Теперь понятия не имею, что это такое».

² Я знаю, что — с лат.

января, и моя массивная модель царь-колокола летит в стену, за нею русская тетрадь, за тетрадью Буслаев. Он попадает в зеркало на этажерке, и оно летит на пол... Удивляюсь, что ничего не разбил.

Но вчера подобного не было. Вся тяжесть перешла в 36 стихов, которые я написал с одного маха.

// л. 46 об. Сегодня ночью украдено полотенно с купальни и поэтому мои хозяйки не купались.

Получил от Васи письмо сегодня, вчера от Коли. Сяду сейчас писать ответы.

5 июля, вечер. Москва.

Мои именины. Был только Витя³. Играли в кегли.

Боже! За что такое счастье⁴

Что я пережил?! Не вспомнишь, не сгруппируешь всего вместе. Придётся записывать постепенно, по дням, систематично, а это теперь скучно.

24-го числа, прощаясь с барышнями на площадке лестницы⁵ и давая руку С[офье] Ю[рьевне], я почувствовал, что она вложила мне что-то в руку. Я догадался что — это была роза. Здесь же была и Евг[ения] Ник[олаевна], и я не прощался ещё с нею. Я быстро переложил розу из правой руки в левую и подал Е[вгений] Н[иколаевне] руку. Она ничего не заметила. Когда мы // л. 47 поднимались на лестницу, С[офья] Ю[рьевна] шепнула мне: «Я вам расскажу про Цапочку, только чтоб она не знала!» Получа розу и придя в свою комнату, я задумался. Это шутка, думал я и думал, что это со стороны С[офьи] Ю[рьевны], а не Е[вгений] Н[иколаевны]. На другой день ни слова об этом никто. Прошёл ещё день; вечером я, гуляя с Евг[енией] Ник[олаевной] по саду, заговорил о Харине (я давно хотел узнать, знает ли Е[вгения] Н[иколаевна] о розе) и между прочим сказал.

— Приеду в П[етербург], скажу, что в Харине просто почил на розах.

— Только на двух, кажется...

— Да, только на двух, поддакнул я со вздохом.

— Этого для Вас мало?... А, может быть и более, каким-то лукавым тоном проговорила Е[вгения] Н[иколаевна]: «за будущее кто поручится?!»

— «Ваша правда» согласился я и подумал: она ничего не знает... Нет шалишь, знает мелькнуло у меня: знает! Хитрит!

³ Мой двоюродный брат. — Примеч. С. Ф. Платоновым написано карандашом.

⁴ Далее два слова заклеены, одно стёрто.

⁵ Курсивом текст вставлен сверху строки и написан карандашом.

На другой день она села рисовать, а я поместился подле неё.

— А что, мне кажется, Евг[ения] Н[иколаевна], что Вы вчера со мной // л. 47 об. схитрили?

— Я?!... Не вы ли, С[ергей] Ф[ёдорович]?

— Да, кажется, что обоюднo хитрили, и никто не попался в обман.

— Я нет! В чём я хитрила?

... Здесь произошёл разговор, которого я теперь передать не в состоянии. Говорили обиняками, не говоря имени предмета, говорили часа 1 ½. С[офья] Ю[рьевна] в это время¹ играла. Е[вгений] Н[иколаевны] нужно было знать, что я думаю о розе, не считаю ли я это её проделкой. Обе стороны вели дело хорошо, не проговаривались прежде времени и довели дело до конца блистательно.

При окончании этих закорючек Е[вгения] Н[иколаевна] сказала мне:

— Вы, С. Ф., на много лет старше своих лет. В ваши лета, по правде сказать, ещё дети, а Вы и о серьёзном говорите и всем интересуетесь и мастер на шутки.

— Е. Н., ведь наш разговор похож на разговор маркизов XVIII столетия.

— Да, вы хороший маркиз.

— А Вы хорошая маркиза!

— Вы и вчера, 24-го были маркизом, когда мне Соня рассказала о своей проделке, которой я не заметила,

// л. 48 я сказала про вас обоих «молодцы!» Я заметила только особый тон вашего «благодарю», которое Вы сказали бы будто бы мне.

Действительно, я, получив розу, подал руку Е[вгений] Н[иколаевне], и она пожелала мне «приятных снов». Я сказал «благодарю», но оно относилось не к ней: я благодарил за розу. Днём С[офья] Ю[рьевна] спрашивает меня:

— Скажите, С[ергей] Ф[ёдорович], вы умеете отличить шутку, глупую шалость от серьёзного? (Это о розе-то).

— Умею и отличил, С[офья] Ю[рьевна]! — ответил я.

Это была шутка, принёсшая последствия.

Я развязался окончательно от моей любви С. Н. Н.²... и больше никого³ не хочу любить попусту. Но в иные минуты С[офья] Ю[рьевна] была так хороша, что мне пришлось бороться с самим собою и избегать этой С[офьи] Ю[рьевны], чтобы

¹ Курсивом текст вставлен сверху строки, написан карандашом.

² Инициалы вписаны сверху строки карандашом.

³ Слово вписано сверху строки карандашом.

не пасть перед нею. Поэтому в силу этой борьбы я больше старался бывать с Е[вгенией] Н[иколаевной]. Я победил себя: я не влюблён, но эта победа принесла мне несчастье. О⁴, видя, что я сижу более с Е[вгенией] Н[иколаевной], С[офья] Ю[рьевна] подумала, что «она внушает мне недоверие». Она!

На другой день С[офья] Ю[рьевна] играла, Е[вгений] Н[иколаевна] рисовала, и я // л. 48 об. сидел подле неё: всё по-вчерашнему. Было жарко, на столе лежал веер Е[вгений] Н[иколаевны]. Я взял его и предложил ей погадать по вееру. Она согласилась. По следам и разным ссадинкам я рассказывал ей, что этот веер был в руках у мужчины старше 25 лет, показал ей к[а]к он держал его. Она заволновалась.

— Когда это было? — спросила она меня.

— Приблизительно с полгода... так в начале этого года, — ответил я, подумав. — Верно?

— Кто Вам это рассказал? — сказала она вольно.

— Честное слово, никто, никогда, — она долго смотрела на меня.

— Вы за этим веером плакали, — говорил я, — это были слёзы отчаяния, грусти безысходной; вы били этим веером о скамью. Это было в саду, незадолго шёл дождь, вы сидели на скамье под деревом, с дерева капало...

...Она слушала, закусив губку, и вдруг вырвала у меня веер.

— Послушайте... Кто вам это рассказал?

— Никто и никогда.

— Ну... а когда это было?

— Года два назад!... Правда?

Она не ответила, я её взволновал и // л. 49 не на шутку. Днём С[офья] Ю[рьевна] говорит мне: «Я заметила, что я на Вас произвожу невыгодное впечатление». Лицо это было так грустно и так хорошо, к[а]к я и не видал. Теперь она мне внушала столько доверия, столько! Я принялся её разубеждать, говорил с жаром. Нет, не верит! Притворилась, что поверила! А мне это к[а]к ножом по сердцу! Не хочу любить её, от всей души не желаю её огорчать даже словом! Не верит моим тёплым словам!...

28-го вечером она уехала с дядей Гизетти⁵ кататься, а я с Е[вгенией] Н[иколаевной] ушли гулять. Долго мы бродили по лугам. О чём говорили, не помню. Я говорил откровенно всю свою биографию. Она жалела о моём «несчастье в люб-

⁴ Далее три слова замазаны чернилами.

⁵ Гизетти Антон Германович, племянник Селивановской Е. А. — Текст написан карандашом внизу страницы под чертой.

ви», говоря или лучше давая понять, что я достоин любви. Весело было говорить с этой понимающей, откровенной девушкой, тепло подле неё. Кажется, здесь явилось ко мне счастье, кажется, здесь она назвала меня другом и хорошим человеком! Вот новый мой друг, мой несчастливый друг!...

29-го. Приехали Серёжа Попов = Болт и князь Кугушев¹. Кварты² приехал накануне... Подожду писать: не могу... Попов влюбляется во всех. Барышни решили // л. 49 об. его завертеть, я помогал, был их соучастником. Закружили до ревности к князю Кугушеву. А Серёжа наш на седьмом небе, принял меня в свои союзники будто бы составлял глупые планы ухаживания и направлял мои действия, а я разжигал его своими рассказами. Вечером приехал Танеев³. Вот музыкант! Этот день Е[вгения] Н[иколаевна] обращалась со мною к[а]к с другом. День был чрезвычайно весёлый! Был прекрасный праздник. Выучился играть в крокет.

30-го Танеев играл сонату Шопена. Как только кончил, я стремглав бросился наверх. Я побледнел, похолодел, сухие рыдания душили меня. Пришла ко мне Е[вгения] Н[иколаевна] и сидела у меня долго... пока не позвали гулять. В прогулке участвовали обе барышни, Танеев, я и Попов. Задумали сотворить спектакль. Танеев должен был написать музыку на мои стихи. Попов нарисовать виньетку к нотам. Недостало времени, и затея не исполнилась. Вечером ездили тройкой со звоном в телеге: барышни, Ант[он] Герм[анович], я, Тан[еев] и Попов, весело... Теперь наступает смутный период. Дай Бог силы записать.

1-го мы с Е[вгенией] Н[иколаевной] сидели одни в саду. Разговор был // л. 50 обо мне; она меня хвалила, много обнадежила меня, уверила в самом себе, просила не переставать писать, потом говорили о С[офье] Ю[рьевне], затем... нет у меня и так останутся в памяти эти две фразы⁴: «Он умер!»⁵ Каким голосом сказано!⁶ Она вско-

¹ Возможно речь идёт о князе Вячеславе Александровиче Кугушеве (1863–1944).

² Кварты — итальянец, гостивший в Харине. — Текст написан карандашом внизу страницы под чертой.

³ Танеев Сергей Иванович (1856–1915) — русский композитор, пианист, педагог, теоретик музыки, музыкально-общественный деятель. Ученик П. И. Чайковского.

⁴ Далее слово заклеено.

⁵ Написано на заклеенном месте.

⁶ Речь шла о женихе Евг. Николаевны. — Карандашная помета С. Ф. Платонова.

чила. «Нет, я сегодня глупа, пойдёте домой!» И ушла в боковую аллею. Вот мгновенье в жизни. Редкое! Ха, ха! Много диковинок в жизни. Глупая жизнь! Кто мог думать, что за этой весёлой наружностью кроется глубокое безысходное горе... да ещё два! С[офья] Ю[рьевна] не то. Это молодая жизнь, не выдавшая ничего особенного, цельная, заводная! А эта разбита!

— Я всё себя спрашиваю, почему я с Вами откровенна? Почему?

— Да, почему со мною с 17-летним мальчишкой 23-летней! Странно. Должно быть во мне есть что-то необычное, лучшее. А что?... Возвращаясь домой, она говорила «глупа я, что говорю такие вещи человеку, который, слушая их позеленел и не мог говорить!»

— Да и теперь, сию минуту не могу говорить, что же делать?!

2 июля Вечер провели весело. Серёжа Попов смеялся, я его передразнивал и смешил всех. Нужно было!

// л. 50 об. 2 июля было весело, к[а]к и всегда! Как и всегда! Вечером пробовали дамское седло на лошади, и я после С[офьи] Ю[рьевны] катался на нем по двору без стремян, натёр ноги.

Вечером перед чаем схожу в сад, на далёкой скамейке сидит Ев. Н., печальна. Я сажусь и смотрю на неё. Она, отвернувшись, говорит: — Вот у Вас новый друг, глупый, который будет плакать и которого Вы ещё утешать будете! (На глазах у неё слёзы). — Знайте⁷, тяжело быть нелюбимой дочерью. О, эта фраза! Это мгновенье! Боже! Не дай, чтобы оно повторилось. Я растерялся и сказал: «эту историю я слышал уже, Е. Н.!» Да слышал, слышал! Бедная!... Не помню, что говорилось, помню свою фразу: «Мы, мужчины, утешать не умеем, но иногда удаётся нам утешить только одним словом»... И мне удалось, кажется... Прислал Серёжа звать к чаю. Она затаила в себе печаль и сделала себя весёлою, и за чаем знали причину её весёлости необычайной через силу, только она и я. Удалось скрыть! После чая мы опять остались вдвоём на балконе.

// л. 51. Я сказал ей тихо.

— У Вас есть она мать⁸, к[а]к и у всех... А⁹ тётка!¹⁰ Одним словом, удалось утешить! Она тихо взяла мою руку и пожалала её.

— Встаньте завтра пораньше.

И 3-го я в 8 часов был на балконе. Обе девушки

⁷ Далее текст заклеен и написан заново.

⁸ Слово написано над зачёркнутым.

⁹ Далее слово замазано.

¹⁰ Слово написано над замазанным.

встретили меня. Много тёплых слов сказано было мне ими. Говорилось так, что приходится верить. И я поверил, я верю в себя, а прежде не верил.

— Мы вчера говорили с Соней о Вас и согласились, что нам с Вами не то что весело... нет! А хорошо!

Вот похвала, которой можно гордиться! В этот же день я получил удар.

С[офья] Ю[рьевна] говорила опять, что она внушает мне недоверие. Я аллегорией, довольно прозрачной, рассказал ей о моей борьбе¹.

// л. 51 об. Ещё одна светлая минута. Я сидел в своей комнате, входит Евг. Ник., посмотрела, что я делаю (я чинил шкатулку С[офьи] Ю[рьевны]). Я говорю, что буду всегда помнить Харино.

— А меня Вы будете помнить? — спрашивает она, положив мне руку на плечо и смотря на меня своими умными, нежными глазами.

— Буду!

— Всегда?

— Всегда!

Она села около меня, стала говорить, когда мы увидимся ещё.

Друг — женщина! Моя мечта исполнилась. Мой милый друг Вася, добрый Коля и Е[вгения] Н[иколаевна].

Душа чего-то полна. Жизнь улыбнулась.

И верится, и плачется,

И так легко, легко! Истинно верны были эти слова в то время!²

// л. 52. 6 июля 1877 г.

Иногда по целым часам сижу я и думаю об этой молодой и, может быть, развитой жизни. Что мои мелкие огорчения в сравнении с этими двумя несчастьями?! И ведь не видно их под маской весёлости, не говорят о страданиях эти хорошие, честные глаза, это симпатичное лицо. Не знаешь, что эта девушка живёт прошедшим, милым прошедшим, которое обещало и счастье и светлое будущее, которое разбито внезапно судьбой. В припадке сожаления я и сказал: «Боже, где твоё правосудие и благодать?!...» На месте её я бы не вынес и запасся пулями. А она начала новую жизнь, по-моему, без будущего, жизнь и для себя, и для других. Жива и для друзей, и для врагов.

Не имея веры в своё будущее, она вдохнула в меня веру в моё, и я верю теперь в себя, и я человек и меня могут любить... Да, наступает новый период жизни, я изменился, стал идеалистом,

¹ Далее текст из пяти строк вырезан.

² Далее текст из пяти строк вырезан с предыдущей страницей.

не сентиментальным, конечно. Я и прежде был им, впрочем. Теперь в этом убедился. Прибавилось во мне любви к друзьям, к окружающему, гуманнее я стал.

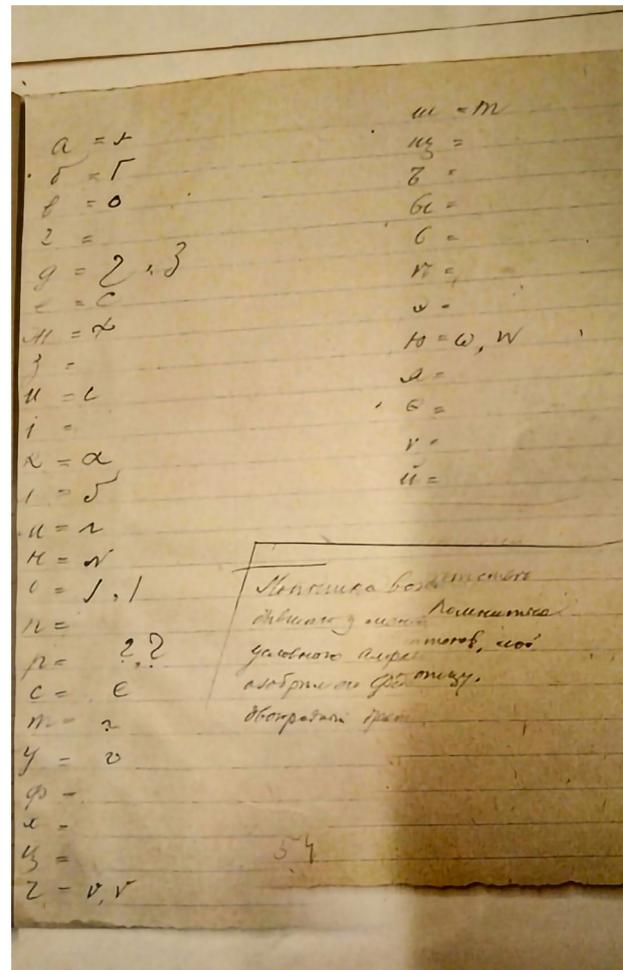
// л. 52 об. Через час, 4 часа.

Кончаю тетрадь. Тянулась полгода. Она любопытна, особенно последние страницы. Сегодня был в оружейной палате. Видел древности. Смотря на шапку Мономаха, на кольчуги, шлемы (стыдно признаться), я думал: «зачем берегут всю эту дрянь!?» Сейчас вспомнил археологию, которую я уважаю, к[а]к часть истории, и вспомнил, что берегут дрянь для археологии. Может быть и для чего другого, но я бы не стал.

Смотрел я вяло. Скучно ведь. Хочется в Харино или в Лесной — к друзьям. Скорей в Питер, скорей забыть, не помнить так ясно моих трёх тяжких минут. Не знал я, что и счастье жданное — желанное иногда бывает тяжело. А ещё и как! ... Когда же я увижусь ещё с дорогими мне С[офьей] Ю[рьевной] и Е[вгенией] Николаевной?

// л. 53 Куда ты ушло, это доброе время?!

И верил, и любил без сомнений!

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1214. Л. 54

Ум, сердце, талант, всякое отличное от толпы, высшее¹ качество — страшный дар природы. Это её проклятие, осуждение на вечные страдания. Страданием покупается право быть выше других... Да, правда!...

Страдание самое странное то, которое имеет

¹ Слово вставлено сверху строки.

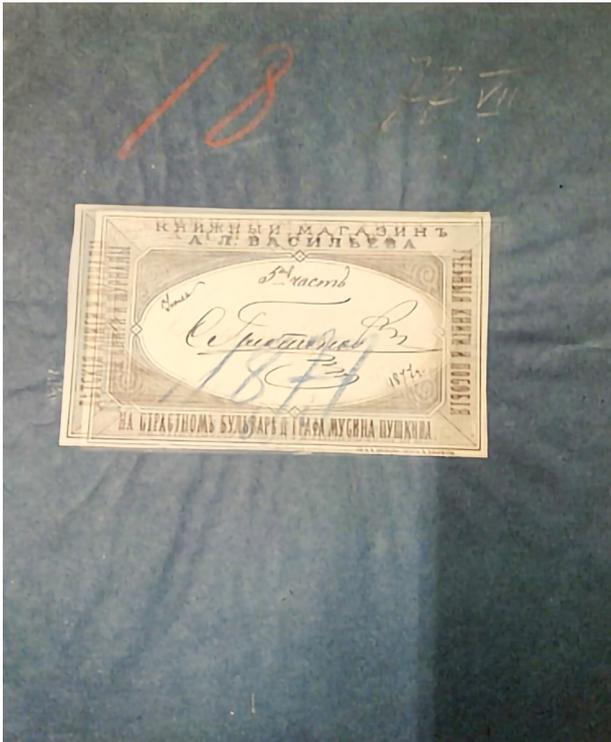
начало в самих нас. Оно «из себя, для себя». Оно имеет начало, но вряд ли имеет конец.

// л. 54

Попытка восстановления бывшего у меня в детстве условного алфавита. Помнится, избрёл его Федя Платонов, мой двоюродный брат по отцу.

Дневник V за 23 июня — 12 декабря 1877 г.

ОР РНБ. Ф. 585. ОП. 1. Ч. 1. Д. 1215. Л. 1–9 об.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1215. Л. 1

//л. 2. Карандашная помета: 1877 VII — VIII.

1877 года.

Дневник.

Не выражая, выражу.

V.

С. Платонов

// л. 3

23 — VII — [18]77 г.

Был у Васи. Был там и старший юнец Круковской. Узнал я историю о кошке. Что за чепуха, по правде сказать, к[а]к Петя мог влюбиться в кошку, стоящую ниже его по развитию, женщину-самку с красотой, которая с моей стороны плевка бы не заслужила, к[а]к красота неодоушевлённая ни мыслью, ни развитием.

Товарищи не замечали, что у меня нет вкуса, что я не понимаю женской красоты. Да, нет

обеденного вкуса на красоту, «те красавицы» говорят мне. По-моему, нет. «Кошка красавица!» А, по-моему, чёрт знает что, что-то ладное, да и только. Мать Васи красива, Борк красива, С. Н. красива, Шведер не красавица, О. Н. красивая, пшеничная булка. Вот моё мнение. Первое дело выражение лица; симпатичное лицо — для меня красиво, умное лицо лучше лица красавицы. Это мой вкус, а *de gustibus disputandum non est*². Правило умное.

Осуждаю, Петю за кошку, умно делает Вася, что бросает её и что волочился за нею, // л. 3 об. без всяких сентиментальных чувств.

Мне понравилась одна фраза в дневнике Васи: «Я знаю, что мы с Серёжей насколько это возможно, дружны, но тем не менее мы не должны стесняться друг — друга и оставаться всегда вольными и свободными». Эта фраза важный документ.

Ораторствовали мы здорово, что называется. Говорили об убеждениях, высказывались. Виной был Грамматикати³. Социалист ~~был~~ он порядочный, убеждений идеальных. Спорить не желает, ибо мы его порасшатали в его мечтаниях. Ох, это мне стремление к добру в молодёжи! Лезут за авторитетами без всякой повадки, принимают все идеи на веру, не понимая их. Настоящее стадо. Грамм[атикати] еще из лучших.

Мы так увлеклись, что основали сатирический журнал, для которого я теперь занят писанием статей. И мы будем ругать и нас же будут ругать. Нет времени.

// л. 4

день, 24 — VII.

Гвардии объявлен поход. Под моим окном солдаты продают своё имущество. Рынок кишит

² Там нет рассуждения о вкусах с лат.

³ Грамматикати Иван Николаевич (1858–1917) — российский врач, учёный-медик, специалист в области акушерства и гинекологии, декан медицинского факультета и ректор Томского университета.

солдатами. Бедный народ, право. Я очень жалею их; мне больно смотреть, к[а]к люди беднеют в один день. Продадут за бесценок, деньги выйдут, а после нищета. Стараюсь не смотреть в окно. Миша тоже идёт. Ему ничего; не обнищает; если убыток, так за веру, царя и отечество, за братьев, за родину. Такой смертью хорошо умереть. Я бы без страха с радостью пошёл бы туда...

Мне что-то трудно вести дневник. Неужели прекратится?

На С-ва свалилась беда, какой не дай Бог никому. Бедный, он бедный! Хотя и наказан поделом. Вася сомневается в правосудии. Вот оно. Никто не думал, не гадал, ожидать было нельзя и явилась казнь, свыше ожиданий. Я верю, правосудие есть.

л. 4 об. 6 авг[уста], утро.

Но С-в опять накинулся на меня и гадит он с остервенением. Подлостей делать ему, платить тою же монетою не могу — потому что считаю себя честным человеком. Поэтому остаётся одно — действовать открыто, скандалить его перед всеми за его подлости. Вреда он мне большого принести не может, будет мне только, вредить во мнении общества... Но в том-то и вещь, что я дорожу только мнением Латкиных, а до остального мне дела нет. Ничьим мнением не только не дорожу, но и знать-то его не хочу, а потому меня С-ву очень трудно, если не невозможно, победить меня в конце, заставить попросить у него мира. Ведь была же ведена война и прежде, и я о ней не знал, потом ничего не делал и все-таки ничего, как с гуся вода. Смешно было смотреть на это, к[а]к на что-нибудь серьёзное. Это плохая шутка, не для меня, конечно. Посмотрим, что-то расскажет Вася: планов не составляю, во 1-х, лень, во 2-х, я не австриец в обоих смыслах // л. 5, т. е. не тактик куда негодный, а во и не подлец.

26 авг[уста], вечер.

Победа!... 27-го числа июля¹ объявил мне С-в войну и начал действовать. 2-го или 1-го авг[уста] я произвёл атаку на барышень и был отбит. С-в склонил их на свою сторону. Таким образом, у него две уже победы. План его таков: приобрести союзников, рассорить врагов и переманить Петю на свою сторону, затем обрушиться на меня, облачить войну в войну барышень против меня, заставить их меня ошкить и выгнать от себя.

Легко приобретаю две победы, С. зазнался, возгордился, обозвал своих врагов дрянью, действовал на Борк клеветою, что я и ей объявил войну, обозлив её против меня, взял с С. Н. и Л. П. честное слово быть за него. Клятвы, ложные клятвы сыпались градом, враньё, скреплённое словом чести — все подлое пошло в ход. Ему верили. Всем он врал.

Узнав о происшествиях, я полетел // л. 5 об. в Лесной защищаться, написал Пете о грозящей опасности. 16-го числа приехал я в Лесной, узнал, что Вася работал за меня и поставил дело так, что С. Н. объявила «по убеждениям нейтральна», а Л. П.: «по убеждениям за Платонова», но честное слово их связывало. Я произвёл свою атаку, доказывал, что я не виновен и дал честное слово в этом. После Васи мне поверили, дали обещание мне не вредить. Победа с нашей стороны. Сидоров немного притих, но продолжал «действовать». 20-го и 21-го был у меня Петя, мы столковались и 22-го, кажется, он произвёл свою атаку на барышень, к[а]к на главную струну, к[а]к на главный пункт войны. Атака его, кажется, немного, но имела успех. Дело затягивалось на зиму, а С-в хотел кончить в 2 месяца с уверенностью в успех. 23-го союзники, т. е. я и Петя, увидались в Луизине и узнали, что // л. 6 С-в готовит что-то важное на 25-е авг[уста]. 25-го было генеральное сражение, решившее войну.

27 авг[уста], день

25-го С-в явился в 3 часа, узнал от Васи о поражении, получил и прочёл журнал.

— «Дело надо начинать сызнова», — сказал он и пошёл опять привлекать барышень. Но за минуту раньше мы с Петей говорили с ними, и они решили хлопотать о мире, узнав, что я готов заключить мир без всяких условий, но с тем, чтобы С-в первый сказал мне, что прекращает войну. Status quo ante bellum² — это поражение С-ва, потому что он из-за этого и начал войну. Всё равно, что для России теперь мир без всяких условий. С. Н-не и Л. П-не надоели беспрестанные атаки на них. На это, признаться, я надеялся. Атака С-ва кончилась плачевно. Барышни заставили его согласиться на заключение мира // л. 6 об. без изгнания нас из общества, но решили помогать ему и быть парламентами. Составили план втроем и решили действовать. До обеда они ничего не предпринимали; я с ними много болтал о разных разностях, а С-в слушал и жестоко ревновал.

¹ Слово вставлено сверху строки.

² Статус-кво до войны — с лат.

вал. После обеда Петя исчез. Я пошёл его искать и наткнулся на барышень, которые мне заявили, что Петя пошёл за шиповником для них. Мне это показалось что-то подозрительным. С-в тоже исчез. Затем я узнал, что С-в говорит с Петей в саду. Дело для меня могло быть опасным. Этот разговор устроили барышни, зазвав Петю в сад и столкнув с С-вым. С-в склонял Петю на свою сторону, но тот не поддался. По окончании разговора Петя подошёл ко мне и сказал, что С-в хочет мира. Это тот услышал и сейчас же рассказал всё Васе всё, что было, переврав страшно и скрепив клятвами ложь. Вася ужаснулся // л. 7 Петиним¹ подлостям, которые рассказал ему С-в, и потребовал Петю к допросу. Тот поклялся, что С-в врал. Вася находился в затруднении (будто бы), кому верить и устроил очную ставку, на которой Петя и С-в клялись, что говорят правду.

Между тем меня позвали барышни. Они говорили, что им неприятна эта война, что они дали слово помогать С-ву, просили заключить мир через их посредство с тем, что никто из врагов не помирится, но после, ни прежде другого, а в одно время. «Или заключите мир, или, если нет, то вы будете вести войну с барышнями, потому что мы должны быть за него», — говорили они: «Ни Вы, ни С-в не виноваты, здесь есть 3-е лицо, которое заварило эту кашу для своих выгод». (Это, кажется, про Васю). Я колебался: мир или война. Война — это значит неприятности, беспокойство, может быть не удача. Мир — это неудача более // л. 7 об. для С-ва, чем для меня. Он не достиг, чего хотел. Я просил времени узнать мнение Пети, моего союзника, и посоветоваться с ним. Мне дали час. Я пошёл к Васе и Пете и все трое отправились на башню. Там я узнал об очной ставке ~~Петя~~ и объявил о своём разговоре. Мы просили у Васи совета. Все были возмущены подлостью С-ва². Петя со слезами просил веры своим словам. Тогда я предложил Пете вести войну. Затем стал говорить Вася: он решил наказать барышень за такое скверное о нём мнение, винил в этом Сидорова, советовал войну и объявил, что через 3 недели, т. е. 15-го сентября, выступает открыто против С-ва. Война была решена. Мы взволнованные, расстроенные сошли с башни. Я и Петя пошли к барышням, а Вася к С-ву.

— На что же Вы решились, m-er Платонов? — спрашивает С. Н.

— К крайнему моему сожалению, С. Н., — война!

¹ Написано с маленькой буквы.

² Это предложение вставлено сверху строки.

// л. 8 — Как?! — удивилась она.

— Война, война! — отвечал я, садясь на диван. Моё лицо перекошилось, я был зелёный.

— «Я вам ничего не говорил про С-ва», — продолжал я, — «но теперь я говорю — это подлец, человек без Бога, без чести, без совести... Я не могу заключить мир на таких условиях!»

Барышни заметили, что я и Петя взволнованы. Сами они вряд ли были хладнокровнее нас. Эта сцена и сцена в башне были замечательны.

Вася говорил с С-вым и попрекал его подлостью, сказал между прочим, что дела приняли такой оборот, что он выходит из нейтралитета через 3 недели.

— Против кого?

— Узнаешь.

Наконец эти два разговора прекратились, все успокоились... да, барышни ещё раз сказали, что вредить, шикать и т. п. они никогда не будут, а только защищать С-ва словами. Я это отгадал. Я болтал с ними до чая о Харине. Они меня расспрашивали. Мы скоро разошлись. // л. 8 об. Сражение было выиграно нами. Прежний план С-ва был сделан негодным, новый — надежда на мир с нами без всякого для нас него унижения — не удался и в конце концов союзницы, прощаясь с нами, сказали: «Надеемся, что Вы нас не считаете своими врагами...».

— Нисколько, — ответил я. (забыл ещё написать, что, объявляя им войну, я сказал, что С-в погубит или погубил уже одну девушку. Имя её В. Н. Это произвело действие).

Прощаясь, С-в хотел дать мне руку и сказал ласково: «Прощай, Серёжа»: я поклонился и руки не подал. Утром он мне не дал. То же было и с Петей.

Оставшись одни, мы троём говорили о делах дня. Вася решил войну против барышень с целью наказать их за дурной о нём отзыв. Затем решил завтра, 26-го, произвести давление на С-ва, принудить его заключить позорный // л. 9 мир. На другой день он действительно сказал С-ву, разбитому в генеральном сражении: заключай мир или я твой враг! И вправду, С-в подошёл вчера ко мне и сказал: «Серёжа, я тебе уступаю, я первый тебе предлагаю мир».

— «Я принимаю его, я мирюсь с Вами, потому что не я начал войну и потому что Вы поняли свою ошибку... Но, конечно, эта война не может не иметь последствий... Одно из них то, что мы с Вами будем на Вы».

И мы подали друг другу руки.

— Надеюсь, Вася, что ничего подобного больше не повторится, — прибавил я С-ву.

— Не повторится, — ответил тот.

Посмотрим.

Петя принял мир, сказав, что другом С-ва никогда не будет после тех подлостей, которые С-в сделал с ним. Каково положение С-ва! Унижен, а как хвалился, хвастался, ставил врагов ни во что, рисовал «знамя пророка»! Ведь этаким дурак!

Нужно ещё узнать мнение барышень.

// л. 9 об.

утро, 11 декабря.

Вчера было 30°! Я сижу дома. Записывать по-ложительно нечего. Посмотрим, что принёс день:

работы нет и я буду у Васи. Что-нибудь найдётся. Скука страшная.

Вчера: вечер, 12 д[екабря]

Сегодня семь лет к[а]к мы живём на этой квартире. Что я был тогда и что теперь! Девятилетний *bon-homme*¹ и 16-летний фронт «либерал»², пишущий стихи, наживший насмешками врага, говорящий про этого врага, что он лает на слона...

Вчера у Васи не был, т[а]к как кашлял, и папа не пустил.

Сегодня пришли Круковские и позвали меня к себе: иду, потому что Вася сегодня у С-ва.

¹ Хороший человек — с фр.

² Следующие четыре слова замазаны чернилами.

Список литературы

1. Платонов С. Ф. Автобиография // Платонов С. Ф. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Наука, 2017. Т. 5. С. 187–213.
2. Платонов С. Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Платонов С. Ф. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Наука, 2017. Т. 5. С. 214–245.

References

1. Platonov SF. Avtobiografiya = Autobiography. In: Platonov SF. *Sobranie sochinenij v 6 t.* = Platonov SF. *Collected works in 6 vols.* Moscow, Nauka, 2017. Vol. 5. Pp. 187–213. (In Russ.).
2. Platonov SF. Neskol'ko vospominanij o studencheskih godah = A few memories of my student years. In: Platonov SF. *Sobranie sochinenij v 6 t.* = *Collected works in 6 vol.* Moscow, Nauka, 2017. Vol. 5. Pp. 214–245. (In Russ.).

Информация об авторе

В. В. Митрофанов — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин; почётный работник образования ХМАО — Югры.

Information about the author

V. V. Mitrofanov — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines; Honorary Worker of Education of KhMAO — Yugra.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.